

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LITERARY STUDIES. LITERATURES
OF THE PEOPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 821.512.145

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.499-511>

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОБЩЕТЮРКСКОЙ
И ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: МОТИВ РОДНОЙ ЗЕМЛИ**

Д.Ф. Загидуллина

*ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», Казань, Россия
zagik63@mail.ru*

Аннотация. Одно из значимых для татарской литературы явлений – мотив родной земли – появилось в художественном сознании тюрко-татар еще в VIII в., о чем свидетельствуют Орхоно-Енисейские памятники общетюркской литературы. В данном мотиве отражены особенности менталитета древнего человека, который воспринимает родную землю не только как место рождения и проживания, но и как место безопасное, позволяющее этническому сообществу развиваться и укрепляться. Развитие татарской культуры преимущественно в контексте арабо-мусульманской цивилизации вытесняет этот мотив на периферию. В татарской религиозно-суфийской литературе образ родной земли начинает функционировать в статусе хронотопа. Но с формированием светской просветительской литературы ситуация меняется: к началу XX в. мотив громко заявляет о себе в рамках темы судьбы татарского народа. Хотя советская идеология и пыталась трансформировать содержание данного мотива, традиции общетюркской литературы и татарской литературы начала XX в. с новой силой заявляют о себе в 1960-е гг. Лейтмотив родной земли и сегодня является одним из основных в татарской литературе.

Ключевые слова: татарская литература; общетюркская литература; мотив; хронотоп; лейтмотив.

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. Преемственность общетюркской и татарской литературы: мотив родной земли. *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(4): 499–511. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.499-511>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.499-511>

**CONTINUITY OF COMMON TURKIC AND TATAR LITERATURE:
THE MOTIF OF THE NATIVE LAND**

D.F. Zagidullina

*Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
zagik63@mail.ru*

Abstract. One of the most significant phenomena for Tatar literature – the motif of the native land – appeared in the artistic consciousness of the Turkic Tatars in the VIII century. This is evidenced by the Orkhon-Yenisei monuments of general Turkic literature. This motif has become an indicator of the mentality of an ancient man, in whose perception the native land is not only a place of birth and residence, but also a safe place that allows the ethnic community to strengthen and develop, which can become a guarantor of its future. The development of Tatar culture mainly in the context of Arab-Muslim civilization displaces this motif to the periphery. In Tatar religious and Sufi literature, the native land begins to function in the status of a chronotope. But with the formation of secular educational literature, the situation is changing: by the beginning of the twentieth century, the motif loudly declares itself within the theme of the fate of the Tatar people. Although Soviet ideology tried to transform the content of this motif, the traditions of common Turkic

literature and Tatar literature of the early 20th century assert themselves with renewed vigor in the 1960s. The leitmotif of the native land is still one of the main in Tatar literature today.

Keywords: Tatar literature; general Turkic literature; motif; chronotope; leitmotif.

For citation: Zagidullina D.F. Continuity of common Turkic and Tatar Literature: the Motif of the Native Land. *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(4): 499–511. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.499-511>

В литературоведении термин «мотив» считается наиболее проработанным в теоретическом плане [1]. Множество определений рассматривает заимствованный из музыковедения термин «мотив» как компонент произведений (творчество писателей, литературный процесс определенной эпохи и др.), обладающий повышенной значимостью.

Мотив как литературное понятие, определяющее простейшую повествовательную единицу, был введен А.Н. Веселовским в 1906 г. в работе «Поэтика сюжетов». Признаками мотива ученый считал образность и схематичность. По его мнению, многие мотивы народного творчества со временем превратились в центральные сюжеты художественной литературы, сохранив при этом содержательную конструкцию, заложенную еще в древности.

Общепризнанным показателем мотива является его повторяемость. Он может быть представлен как повтор ключевого слова или фразы, чувства или переживания, какого-либо события, зачастую в основном тексте и в «сильной позиции», или в силу особой структурированности текста может быть прочитан или угадан читателем. Это зависит, прежде всего, от родовой принадлежности произведения или цикла произведений.

«Ведущий мотив в одном или во многих произведениях писателя может определяться как лейтмотив. <...> Можно говорить об особой роли как лейтмотива, так и мотива в организации второго, тайного смысла произведения, другими словами – подтекста, подводного течения» [2, стб. 594].

По мнению ученых, лейтмотив в литературоведении является «одним из основных структурных элементов текста. <...> Лейтмотивная система произведения обеспечивает образное воплощение тематики и проблематики в тексте» [3, 435–437].

В литературе разных эпох функционирует множество мотивов, основные из них хорошо изучены. В нашем исследовании в качестве источника мы будем использовать самые ранние известные тексты – памятники общетюркской литературы, чтобы пронаблюдать сохранность и трансформацию отдельных мотивов в истории татарской литературы.

Указывая на самый ранний из сохранившихся текстов общетюркской литературы, на его создателя – первого тюркского летописца Йоллыг-тегин (тегин – сын кагана, принц), С.Г. Кляшторный пишет: «Он начертал тюркским руническим письмом на “вечном камне”, на двух стелах, увенчанных фигурами драконов, поминальные строки почившим родичам – Бильге-кагану и Кюльтегину – и не забыл упомянуть основателей державы. Он повторил этот текст дважды – в 732 и 735 гг. Две каменные плиты с надписями, повествующими о бурной истории народа тюрков, и поныне лежат в одной из межгорных котловин Хангая, близ реки Орхон там, где ставили юрты и строили дворцы власти-тели могущественных империй» [4, с. 218].

В истории тюрко-татарской литературы этот этап принято называть «древнетюркской эпохой»: «Тогда же поднялась на новую ступень духовная культура степняков – возникла тюркская письменность, заимствованная и оригинальная, появилась запечатленная на письме тюркская литература» [4, с. 218–219]. Самые известные и крупные памятники рунического письма, найденные в Северной Монголии в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги, – «Орхоно-Енисейские надписи» – связаны с историей второго Тюркского (689–744 гг.) и Уйгурского (745–840 гг.) каганатов. Это каменные стелы, воздвигнутые в честь Бильге-кагана (видимо, не зря он взял себе имя «Бильге» – знающий, просвещенный, ученый); его брата, полководца Кюльтегина (ему дали имя «Кюль» – озеро, вода, видимо, указывая на спокойный характер принца); советника каганов Тоньюкука (создан еще при жизни полководца, прозванного «совой», умной и проницательной птицей).

По стилю памятники, хотя и рассказывают о жизни и подвигах древних тюрков на фоне истории Тюркского государства, отличаются друг от друга тем, что первые два посвящены давним временам. «Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам – таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи» [4, с. 260–261].

Как видно из вышеприведенной цитаты, С.Г. Кляшторным определены концептуальные идеи, изложенные в памятниках. Мы хотим несколько развернуть эти наблюдения, ссылаясь на тексты самих памятников [5].

В тексте памятника в честь Кюль-тегина («Малая надпись») выделяется несколько мотивов-идей, которые высказываются от имени «Небоподобного, неборожденного тюркского кагана» (Первая строфа. Далее строфы будут указаны так: (1). – Д.З.). Они адресованы народу: чтобы жить счастливо и в безопасности, каган просит свой «тюрк будун» следовать определенным правилам.

В запечатленной в каменных стелах художественной картине мира представлена бинарная оппозиция «мы» – «они» (чужие, враждебные, табгачи – китайцы). От имени кагана заявляется: 1) «они» не желают нам добра; чтобы успешно противостоять врагам, необходимо следовать указам каганов; 2) для тюркского народа безопасна жизнь лишь на родной земле, нельзя оставлять Отюкэнскую долину и скитаться по другим землям: «(8) <...> о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкэнской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, то есть за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз...» [5, с. 409–410].

«Большая надпись» начинается с мифа о появлении жизни на земле и человека, таким образом утверждается, что каганы правили всегда (необходимо отметить, что татары и многие другие тюркские народы сохранили этот миф в исторической памяти, он не только включен в фольклорные сборники, но и до сих пор бытует в народе, функционирует в татарской художественной лите-

ратуре). Описываются бои и завоевания, жизнь и смерть «голубых тюрков», их бесстрашие, при этом подчеркивается то, что потеря государственности произошла «(6) Вследствие “непрямоты” (то есть неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана» [5, с. 411]. Далее говорится, что только через много лет, благодаря усилиям, предпринятым «отцом моим Ильтерешем-каганом и матерью моей, Ильбилгыя-катун», удалось освободиться от ига китайцев; обустроиться на родной земле и построить государство – племенной союз тюрков.

Призывая извлечь урок из этой истории, древний автор пишет: «(23) Ты (сам), о народ священной Отюкэнской черни, ушел. То ходил ты вперед (то есть на восток), то ты (24) ходил назад (то есть на запад), и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (то есть нагромождались там), как горы; твое крепкое мужское потомство стало рабами, твое чистое женское потомство стало рабынями. Вследствие (твоего) непонимания (своего блага) и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (то есть умер)» [5, с. 412]. Таким образом, «Большая надпись» также содержит два основных мотива, которые были изложены в «Малой надписи»: необходимость единения под единоначалием кагана и ценность родной земли.

Третий памятник в честь Тоньюкука – военачальника Ильтереш-кагана – по стилю изложения несколько отличается от двух рассмотренных нами выше текстов. Его можно было бы назвать образцом первой агиографии – биографии человека, рассказанной им самим. Большая часть текста посвящена описанию храбрости Ильтереш-кагана, самого Тоньюкука.

Свои победы и успехи Тоньюкук также связывает с возвращением на родную землю: «(17) Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы» [5, с. 417].

Далее в деталях, повторяя слова Тоньюкука, автор подробно описывает бои, в ходе которых произошло объединение тюркских племен: «Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать (55) и, следуя (за ним), я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими. Ради его (то есть кагана) приобретений и, следуя за ним, ради моих собственных приобретений (56) государство стало (настоящим) государством, а народ же стал (настоящим) народом» [5, с. 420].

На важность выделенных нами мотивов, которые на многие столетия стали лейтмотивом общетюркской литературы, обратил внимание С.Г. Кляшторный. Он пишет: «Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган подводит итог сказанному: “Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечально!”. В этих строках ясно выражена сущность идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата» [4, с. 263].

Таким образом, в памятниках общетюркской литературы – Орхоно-Енисейских надписях – мотив родной земли превращается в устойчивый лейтмотив и обрастает определенными характеристиками. Самыми важными из них для древнетюркского человека являются безопасность и ряд возможностей: единение со своими соплеменниками, обретение государственности, сохранение и развитие тюрков.

К XXI в. предки современных татар навсегда оставили единую общетюркскую колыбель – Отюкэн – и обрели в Волго-Камье новую родину. Объявление ислама государственной религией Волжской Булгарии (922 г.) полностью изменило социокультурную ситуацию: с этого времени татарская культура начинает развиваться в контексте арабо-мусульманской цивилизации.

Знаковым произведением периода Булгарского государства считается романтическая поэма Кул Гали «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе», 1233). То, что Йусуф вынужден прожить свою сознательную жизнь вдали от родной

земли, от любимого отца, поэт изображает как результат зависти братьев, а также божественной кары Ягкубу за то, что отнял у даи (молочной матери) Йусуфа ее младенца.

Хронотоп родной земли возникает в некоторых стихотворениях поэтов Золотой Орды. Саиф Сараи (ок. 1321–1396), например, пишет о своих скитаниях в Египте и тоске по родным местам [6, с. 274–275]: «Когда над моей родной землей выросли копыя / я разлучился с домом, / Лишившись родины, я стал человеком чужой страны / Почему судьба мне принесла столько горя, / за какие грехи?! / О Аллах, уменьши мои страдания, ведь я был верным сыном своей страны» (перевод наш – Д.З.).

Вместе с тем в Средние века один из основных лейтмотивов общетюркской литературы – родной земли – теряет свое первостепенное значение, вытесняется на периферию. Это связано с тем, что религиозно-дидактическое суфийское художественное сознание имело свои приоритеты в изображении картины мира. Например, понятие «родина» в религиозно-суфийской литературе обозначало не конкретное место, где человек родился и жили его предки, оно указывало на потустороннюю жизнь, «бэка», где душа человека окажется после кончины, а земное существование («фана»), как пристанище временное, не заслуживало особого внимания. Или род, родственные узы понимались как общность людей одной веры, это мусульмане одного мазхаба, ученики одного шейха и т. д. Поэтому в религиозно-дидактической суфийской литературе наблюдается ослабление традиционных тюрко-татарских лейтмотивов.

Возвращение к общетюркским традициям произошло на волне формирования во второй половине XIX в. татарской светской просветительской литературы. Просветители выдвинули на первое место проблему судьбы татарского народа, связав ее с мотивом единения (единства). Например, основная идея романа Мусы Акъегетзаде «Хисаметдин менла» (1886) звучит так: для развития нации необходимо совместное целенаправленное движение представителей всех слоев общества. В 5-й главе Акъегетзаде пишет: «Итак, этих трех молодых

людей объединила любовь к интересам своего народа. Национальный патриотизм, являясь причиной важных свершений, есть начало каждого великого дела» [7].

Эта тенденция была развита в татарской просветительской литературе начала XX в., мотив единства превратился в лейтмотив татарского возрождения (Г. Тукай «Дустларга бер сүз» («Одно слово друзьям», 1905), «Иттифакъ хакында» («О единстве», 1905) и мн. др.).

Первый тюркский летописец, автор текстов памятников в честь Бильгекагана, Кюль-тегина – Йоллыг-тегин – мифологизировал Отюкэн как родину тюрков, место силы, единения, такую же роль в литературе Нового времени сыграла и поэзия Г. Тукая. В его творчестве родной землей для татар является Казань («Пар ат» («Пара лошадей», 1907)):

«Здесь деянья дедов наших, здесь священные места.
Здесь счастливица ожидают милой гурии уста».

(Перевод А. Ахматовой) [8, с. 49].

В творчестве Тукая восхищение красотой природы переплетается с любовью к родной земле, своему языку и гордостью за свой народ, поэт даже создает мифологизацию Казани как столицы татарского мира («Туган жиремә» («Родной земле», 1907)):

«Я постиг, что все священно: и овин твой, и ручей,
И гумно твое, и степи, и дороги средь полей».

(Перевод А. Ахматовой) [8, с. 43].

Поэт акцентирует внимание на том, что для человека ценность родной земли заключается в том, что она связывает воедино и настоящее, и прошлое, и будущее («Китмибез!» («Не уйдем!», 1907)):

«Мы уйдем, когда за нами вдаль уйдут и города,
Цепь лихих тысячелетий, наши горькие года.
От рожденья до кончины за родной живя чертой,
Мы срослись навеки плотью с почвой родины святой».

(Перевод С. Липкина) [8, с. 45].

Поэт называет родную землю священной; как и в общетюркской литературе, выстраивает оппозицию «мы» – «они», «здесь» – «там», «родина – чужбина»: «Горька отчизна, но в чужбину не уйдем!» [8, с. 45].

Благодаря Тукаю мотив родной земли уже в 1907–1909 гг. превратился в один из главных лейтмотивов татарской поэзии: в творчестве каждого татарского поэта появлялись стихотворения, в которых, наряду с выражением любви к родной земле, будущее татарского народа связывалось с понятием родины.

После 1917 г. ситуация изменилась: татарская литература, как и другие национальные литературы, начала ориентироваться на озвучивание не национальных, а революционных идей. Поэтому такие мотивы, как единство (судьба нации) и родная земля (родина), были коренным образом изменены. В советской литературе единство означало объединение рабочих и крестьян против буржуазии. Страна Советов как родина «потеряла» свою этническую определенность.

Так трансформировалось содержание двух основных, традиционных для татарской литературы мотивов. Вместе с ними были обречены на исчезновение и национальные формы художественного воссоздания этнических ценностей. Это стало заметно на материале татарской литературы середины XX в., когда начался процесс возвращения к национальным традициям.

Восстановление прерванных связей с литературной традицией началось с попытки стилизовать ритмику и структуру стихотворных текстов под народные песни. В свою очередь изменения в области стихосложения активизировали систему образов, приемов и средств, присущих тюрко-татарскому фольклору.

На рубеже 1930–1940-х гг. в творчестве известных татарских поэтов Х. Туфана, А. Файзи, М. Джалиля, С. Хакима, А. Ерикеева и др. на первое место выходит описание индивидуальных чувств и переживаний лирического героя, все отчетливее проявляется лиризм и мелодичность народной песни, обеспечи-

вая эмоциональную привлекательность текстов. Поэты все чаще обращаются к образам и приемам художественного изображения устного народного творчества. В татарской поэзии этого времени одним из основных принципов является фольклоризм. В подзаголовках некоторых стихотворений поэты даже определяют свои тексты как «жыр» («песня»). Категория прекрасного отождествляется с просторными полями, густыми лесами, чистым небом, цветущими лугами.

В 1960–1980-е гг. татарская романтическая поэзия воссоздает идеализированный образ родной земли, синтезировав красоту природы, тепло родного очага и простых человеческих отношений, способность людей посвящать свою жизнь служению другим, силу материнской любви. Эта тенденция особенно проявляется в творчестве С. Хакима, поэт подчеркивает, что человек сможет найти свое счастье, ощутить тепло родных и близких, узнать красоту жизни только на своей родной земле. В его простых, напоминающих народную песню стихотворениях очеловечивается образ родной земли, которому придаются черты, присущие матерям, любимым, героям, отдавшим свою жизнь за других. В своих стихотворениях поэт воспекает не только чувства лирического героя к родной земле, но и описывает ответную любовь родной земли к своим детям («Үрләреңне менгәч» («Поднявшись на твои холмы»), «Туган як» («Родная сторона»), «Бу кырлар, бу үзәннәрдә» («В этих полях, в долинах этих») и др.). Такая амбивалентность в скором времени начинает задавать тон всему литературному процессу.

В итоге образ родной земли начинает ассоциироваться с отчизной, с древней землей предков. В содержании мотива выделяется цепочка: мать – семья – род – народ. Так мотив обретает социально-философское звучание, затрагивая судьбу, историю, прошлое и настоящее татарского народа (М. Аглямов «Мин табышмак чишәм» («Я разгадываю загадку», 1972); Х. Туфан «...Сөенчләр бирмәсә дә жилләр» («Даже если ветры не приносят радость...», 1975), «...Ил гомеренең тыныч кичләрендә» («В тихие вечера жизни страны...»), 1977) и др.).

Мотив родной земли – родины татар – закрепляется в татарской прозе благодаря повести Г. Баширова «Туган ягым – яшел бишек» («Родимый край – зеленая моя колыбель», 1967), рассказам А. Еники «Туган туфрак» («Родная земля», 1959), «Матурлык» («Красота», 1964), «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание», 1965) и др. Идеализация и романтизация деревенской жизни, простых человеческих взаимоотношений, старинных обычаев и обрядов позволяли утверждать, как и много веков назад, ценность и святость родной земли для человека.

Превратившись в лейтмотив, данный мотив открыл дорогу новым темам и проблемам в татарской литературе. В частности, в прозе М. Юныса была затронута судьба соплеменников, вынужденных скитаться в чужих землях. Рассказ «Безнең өй өянке астында иде...» («Наш дом стоял под ивою...», 1964) впервые в татарской литературе в рамках мотива обозначил новый социально-политический дискурс. При описании умирающей в трюме идущего на родину корабля старухи-татарки писатель затронул неожиданные вопросы [9, с. 74]: «Почему невозможно жить на своей родине? Какая сила, разрушая семьи, разбрасывает близких людей по разным далеким уголкам? Татарин ведь не по своей воле покидает родину. Татары уходят с родной земли в поисках счастья. Неужели нельзя найти счастье на родимой земле? Куда же ушло счастье с земель, где жили татары? Что его прогнало? Почему?» (перевод наш – Д.З.). Так автор призывал читателя задуматься о социально-политических и исторических причинах вынужденной эмиграции.

Поставив деревенскую тематику в центр внимания (повести «Без – кырык беренче ел балалары» («Мы – дети сорок первого года», 1968), «Торналар төшкән жирдә» («Там, где гнездятся журавли», 1978) и др.), М. Магдеев придает мотиву экзистенциально-философский окрас, поднимает родную землю – татарскую деревню – на уровень самой важной ценности в истории татарского народа, которая имеет большое значение в плане сохранения национальной

идентичности татар, передачи историко-культурного наследия предков следующим поколениям.

Таким образом, мотив родной земли проделал долгий путь в татарском художественном сознании. Однако в значимые, переломные моменты литературного процесса он всегда проявлял себя как один из трансляторов национальных идейно-эстетических традиций, позволяя наполнять художественные структуры личностно-эмоциональным и одновременно философско-общечеловеческим содержанием.

Литература

1. Силантьев И.В. *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Очерк историографии*. Новосибирск: Изд-во ИДМИ; 1999.
2. Целкова Л.Н. *Мотив. Литературная энциклопедия терминов и понятий*. гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак»; 2001: 594.
3. Тюленин М.Ю. *Лейтмотив. Литературная энциклопедия терминов и понятий*. гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак»; 2001: 435–437.
4. Кляшторный С.Г. *Степная империя тюрков и ее наследники. История татар с древнейших времен*. В семи томах. т. 1: Народы Степной Евразии в древности. Казань: Изд-во «Рухият»; 2002: 218–267.
5. *Древнетюркские рунические письма: Памятники в честь Кюль-тегина и Тоньюкука*. Подготовлен Г. Файзрахмановым. История татар с древнейших времен: в семи томах. т. 1: Народы Степной Евразии в древности. Казань: Изд-во «Рухият»; 2002: 408–420.
6. *Сэйф Сарай. Гөлестан. Лирика. Дастан. Басмага эзерләуче Х. Миннегулов*. Казан: Татар. кит. нәшр; 1999.
7. Муса Акъегет. Хисаметдин менла. Перевод с татар. Ибрагима Гуркина URL: <https://proza.ru/2015/02/05/1998> [дата обращения: 24.11.2021].
8. Тукай Г. *Фаэтон весны: стихотворения, стихи для детей, сказки*. М.: ООО «МАГИ «Из века в век»; Казань: Татар. кн. изд-во; 2011.
9. Юныс М. *Безнең өй өянке астында иде...Әсәрләр*. Алты томда. 1 том: Хикәя, новелла, повестьлар (1961–1986). Казан: «РУХИЯТ» нәшр.; 2003.

References

1. Silantyev I.V. *The theory of motive in Russian literary studies and folklore studies. An essay on historiography*. Novosibirsk: IDMI Publishing House; 1999. (In Russ.)
2. Tselkova L.N. *Motive. Literary Encyclopedia of terms and concepts*. ch. ed. and comp. A.N. Nikolyukin. M.: NPK “Intelvak”; 2001: 594. (In Russ.)
3. Tyulenin M.Yu. *The leitmotif. Literary Encyclopedia of terms and concepts*. ch. ed. and comp. A.N. Nikolyukin. M.: NPK “Intelvak”; 2001: 435–437. (In Russ.)

4. Klyashtorny S.G. *The Steppe Empire of the Turks and its heirs. The history of the Tatars since ancient times*. In seven volumes. vol. 1: Peoples of Steppe Eurasia in ancient times. Kazan: Publishing house “Ruhayat”; 2002: 218–267. (In Russ.)

5. Ancient Turkic runic writings: Monuments in honor of Kul-tegin and Tonyukuk. Prepared by G. Fayzrakhmanov. *The history of the Tatars since ancient times*. In seven volumes. vol. 1: Peoples of Steppe Eurasia in ancient times. Kazan: Publishing house “Ruhayat”; 2002: 408–420. (In Russ.)

6. *Sayf Sarayi. Gulistan. Lyrics. Dastan*. Prepared by H. Minnegulov. Kazan: Tatar. kn. ed.; 2011. (In Tatar)

7. Musa Akyeget. *Hisamutdin menla*. Translation from Tatar Ibrahim Gurkin. Available from: <https://proza.ru/2015/02/05/1998> [accessed: 24.11.2021] (In Russ.)

8. Tukai G. *Phaeton of Spring: poems, poems for children, fairy tales*. Moscow: LLC «MAGI «From century to century»; Kazan: Tatar. kn. ed.; 2011. (In Russ.)

9. Yunis M. *Our house stood under a willow tree*. Works in 6 volumes. vol. 1: short story, novella (1961–1986). Kazan: Publishing house “Ruhayat”; 2003. (In Tatar)

Автор публикации

Загидуллина Дания Фатиховна –
доктор филологических наук, профессор
ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
Казань, Россия
E-mail: zagik63@mail.ru

Author of the publication

Zagidullina Daniya Fatikhovna –
Doctor of Philology, Professor
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russia
E-mail: zagik63@mail.ru

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.2021
Одобрена после рецензирования: 25.11.2021
Принята к публикации: 28.11.2021
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 12.10.2021
Approved after peer reviewing: 25.11.2021
Accepted for publication: 28.11.2021
The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.